

И Э Н М А К Ь Ю Э Н

ИЭН
МАКЬЮЭН

ДИТЯ ВО ВРЕМЕНИ

Москва
2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М15

Ian McEwan
THE CHILD IN TIME

Copyright © Ian McEwan 1987

Перевод с английского *Дмитрия Иванова*

Макьюэн, Иэн.
М15 Дитя во времени / Иэн Макьюэн ; [пер. с англ.
Д. Иванова]. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-097405-4

У детского писателя Стивена Льюиса прямо из супермаркета неожиданно и необъяснимо исчезает трехлетняя дочь. Эта потеря переворачивает всю жизнь Стивена, наглядно демонстрирует ему, что дочь была единственным смыслом его жизни.

Личная драма Стивена разворачивается на фоне непрекращающегося течения времени, затеявшего странную борьбу с главным героем. Лишь постепенно Стивен понимает, что не человек владеет своим временем, но время властвует над людьми.

Время зачатия и время рождения, время роста и время возмужания — время как загадочная, не персонифицированная и всемогущая сила, которую невозможно провести, но которую можно попытаться преодолеть, лишь преодолев себя.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Иванов Д., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
Издательство «Эксмо», 2018
ISBN 978-5-04-097405-4

Глава I

...а также для тех родителей, которые в течение стольких лет шли на поводу бездарного релятивизма самозванных знатоков в области детского воспитания...

Официальное руководство по детскому воспитанию (Управление по изданию официальных документов, Великобритания)

С давних пор муниципальный общественный транспорт связывался в представлении членов правительства и большинства обычных граждан с ущемлением личной свободы. Многочисленные транспортные средства по два раза на день попадали в заторы в часы пик, и Стивен обнаружил, что от его квартиры до Уайтхолла быстрее добираться пешком, чем на такси. Стояли последние дни мая, не было еще и половины десятого утра, а температура уже подбиралась к тридцатиградусной отметке. Стивен шагал по направлению к Воксхоллскому мосту мимо двойных и тройных рядов загнанных в ловушку, нервно пульсирующих машин, в каждой из которых сидел одинокий водитель. На слух их стремление к свободе казалось скорее смиренным, чем необузданным. Окольцованные пальцы терпе-

ливо барабанили по краю горячих металлических крыш, локти в белых рукавах высывались из окон с опущенными стеклами. Многие водители читали прессу. Стивен быстро пробирался через толпу, через наслаивавшуюся друг на друга трескотню автомобильных приемников — рекламные песенки, бодрые выкрики диджеев, обрывки новостей, дорожные предупреждения. Водители, перед которыми не было газет, флегматично слушали радио. Равномерное движение плотной толпы пешеходов, должно быть, создавало для них иллюзию дрейфа в обратном направлении.

Натыкаясь на прохожих и лавируя, чтобы обогнуть впередиидущих, Стивен, как обычно, пусть почти бессознательно, был настороже, выискивая в толпе ребенка, девочку пяти лет. Это было больше чем привычка, потому что от обычной привычки можно избавиться. Это стало чертой характера, глубоко укоренившейся от многократного повторения. В сущности, это нельзя было назвать поиском, хотя когда-то поиск занимал все его существо, причем в течение длительного времени. Два года подряд, от которых почти ничего не осталось; теперь он чувствовал лишь тоску, сухой голод. Биологические часы, бесстрастные в своем неостановимом беге, продолжали отмечать, как растет его дочь, как расширяется и усложняется ее словарь, как крепнут ее силы, как более уверенными делаются ее движения. Часы, настойчивые, как удары сердца, упрямо придерживались нескончаемого условного наклона: сейчас бы она уже рисовала, сейчас бы она начала

читать, сейчас бы у нее выпал первый молочный зуб. Она была бы такой знакомой, такой будничной в своем присутствии. Порой казалось, что порождаемые воображением картины могут истончить эту условность, разрушить эту хрупкую, полупрозрачную завесу времени и случайности, тонкая паутина которой отделяла его от дочери: вот она вернулась домой из школы и очень устала, ее зуб лежит под подушкой, она оглядывается в поисках папы.

Каждая пятилетняя девочка — хотя мальчики тоже считались — дарила ей возможность дальнейшего существования. В магазинах, рядом с детскими площадками, дома у друзей Стивен не мог не искать черты Кейт в лицах других детей, не мог не замечать в них медленно свершавшихся перемен, признаков нарастающей самостоятельности, не мог не ощущать неиспользованной силы недель и месяцев — времени, которое могло бы принадлежать ей. Взросление Кейт давно уже стало сущностью самого времени. Этот иллюзорный рост, порождение всепоглощающего горя, был не только неизбежен — ничто не могло остановить настойчиво пульсирующих часов, — но и необходим. Без мечты о ее дящемся существовании он бы пропал, время бы остановилось. Стивен был отцом невидимого ребенка.

Но сейчас лишь бывшие дети шаркали по Милбанку, направляясь на работу. Дальше по ходу улицы, прямо перед Парламент-сквер, показалась группа зарегистрированных нищих. Им запрещено было появляться возле здания парламента, Уайтхолла или в пределах видимости сквера. Но несколько

человек воспользовались преимуществом, которое давало пересечение пешеходных маршрутов. Стивен заметил их яркие значки метров за двести впереди себя. Погода была как раз для них, и нищие держались уверенно, чувствуя свободу. Обладатели постоянного заработка вынуждены были уступать им дорогу. Дюжина нищих побиралась по обеим сторонам улицы, неуклонно пробираясь навстречу Стивену сквозь плотную толпу пешеходов. Взгляд Стивена был устремлен на ребенка. Правда, это была не пятилетняя девочка, а тощая одиннадцатилетка. Она заметила его еще на расстоянии. Она шла медленно, сомнамбулически, выставив вперед черную чашку установленного образца. Конторские служащие расступались и снова смыкались у нее за спиной. Она приближалась, не отводя взгляда от Стивена. Он ощутил обычную борьбу противоречивых чувств. Подать ей значило подтвердить тем самым успех правительственной программы. Не подавать было равносильно нежеланию замечать тяжелое положение конкретного человека. Иного выхода не было. Искусство плохого правления заключалось в том, чтобы провести разделительную черту между государственной политикой и личным чувством, инстинктивным знанием того, что правильно. В последние дни Стивен предоставлял дело случаю. Если в кармане была мелочь, он подавал. Если нет, то нет. Банкноты он не протягивал ни разу.

Солнечные дни, проведенные на улице, покрыли кожу девочки густым загаром. На ней было неопрятное желтое платье из ситца, волосы на голове были

острижены очень коротко. Возможно, недавно она прошла санобработку от вшей. Пока расстояние между ними сокращалось, Стивен успел заметить, что у девочки симпатичное лицо, проказливое и веснушчатое, с заостренным подбородком. Она была меньше чем в десяти метрах от него, как вдруг кинулась вперед, чтобы поднять с тротуара еще блестящий комочек жевательной резинки. Сунув резинку в рот, она принялась жевать. Маленькая голова вызывающе откинулась назад, когда девочка снова взглянула на Стивена.

Теперь она стояла прямо перед ним, со стандартной чашкой для подаяний в руке. Она наметила его несколько минут назад, это был их обычный трюк. Смешавшись, Стивен полез в задний карман за пятифунтовой купюрой. С безразличным выражением на лице девочка следила за тем, как он опустил банкноту в чашку поверх монет.

Как только Стивен разжал пальцы, девочка схватила купюру, туго скатала ее в кулаке и сказала:

— Пошел ты, мистер.

Она попыталась обогнуть его сбоку. Стивен схватил ее за твердое узкое плечо.

— Что-что ты сказала?

Девочка повернулась и вырвалась из его пальцев. Ее глаза сузились, голос стал пронзительным.

— Я сказала «пасибо, мистер», — и, когда он уже не мог до нее дотянуться, добавила: — Гадина богатая!

Стивен с мягким упреком развел пустые ладони. Он улыбнулся, не разжимая губ, чтобы продемон-

стрировать, что не задет оскорблением. Но девочка уже шагала по улице равномерным шагом спящего на ходу человека. Он смотрел попрошайке вслед почти целую минуту, пока она не затерялась в толпе. Она так и не оглянулась.

* * *

Комитет по охране детства, записной любимец нынешнего премьер-министра, в свое время породил четырнадцать подкомитетов, в задачу которых входила разработка рекомендаций для своего создателя. Однако настоящая их роль, согласно циничным утверждениям, сводилась к тому, чтобы удовлетворять противоречивым запросам несметного количества заинтересованных групп: сахаропромышленных и гамбургерных лобби, производителей детской одежды, игрушек, искусственных молочных смесей и фейерверков, благотворительных учреждений, женских организаций, группы давления сторонников пешеходных переходов «пеликан», — которые давили сразу со всех сторон. Редкие влиятельные силы отказывались от услуг подкомитетов. По общему мнению, вокруг было слишком много людей дурного сорта. Существовали четкие представления о том, какими должны быть благонадежные граждане и как нужно воспитывать детей, чтобы можно было не опасаться за будущее. Все входило в подкомитеты. Даже Стивен Льюис, детский писатель, состоял в одном из них, главным образом благодаря влиянию своего друга, Чарльза Дарка, который вышел в отставку почти сразу

после того, как подкомитеты приступили к работе. Подкомитет Стивена занимался проблемами чтения и письма под руководством ящероподобного лорда Парментера. Еженедельно на протяжении раскаленных месяцев, которым предстояло стать последним незаметным летом двадцатого века, Стивен посещал заседания, проходившие в одной из мрачных комнат Уайтхолла, где, как ему говорили, в 1944 году разрабатывались планы ночных бомбардировок германских городов. В прежние времена он многое мог сказать по поводу чтения и письма, но на этих собраниях обычно сидел, положив руки на большой полированный стол, склонив голову в позе почтительного внимания, и молчал. В последние дни он много времени проводил в одиночестве. Полная комната людей не столько отвлекала его от ухода в себя, как он надеялся, сколько ускоряла бег мыслей и придавала им стройность.

В основном Стивен думал о жене и дочери, а также о том, что ему делать с самим собой. Или размышлял о внезапном уходе Дарка из политики. Напротив него находилось высокое окно, через которое даже в середине лета не пробивался ни один солнечный луч. Внутренний двор, вмещавший полдюжины правительственных лимузинов, покрывал прямоугольник низко подстриженной травы. Свободные водители бесцельно слонялись по газону, курили и безо всякого интереса поглядывали на собрание через окно. Стивен прокручивал в голове воспоминания и воображаемые сцены, то, что было и что могло быть. Или это они сами текли через него? Порой он твердил

про себя заезженные, навязчивые речи, исполненные горечи и печальных обвинений, отточенные от многократного повторения. В то же время Стивен вполуха слушал, о чем говорили на заседании. Члены подкомитета делились на теоретиков, чьи идеи — или то, что они выдавали за свои идеи, — считались новыми много лет назад, и на прагматиков, которые обычно брали слово в надежде, что в процессе выступления обнаружат, что сами думают по данному вопросу. Отношения царили напряженные, но границы вежливости никогда не переступались.

Лорд Парментер председательствовал, искусно и с достоинством изрекая банальности, указывая на следующего оратора мерцающим вращением белков, скрытых за глубокими веками без ресниц, приподнимая легкую, как перо, конечность, чтобы утихомирить страсти, изредка отпуская замечания голосом сонного лемура, демонстрируя при этом сухой, пятнистый язык. Только темный двубортный костюм выдавал его принадлежность к человеческому роду. Избитые фразы в его устах приобретали оттенок аристократичности. Он мог положить желанный конец долгой и бурной дискуссии по теории детского развития вескими словами: «Мальчишки всегда будут мальчишками». То, что дети не любят воду и мыло, на лету схватывают все новое и слишком быстро растут, преподносилось лордом словно ряд трудных аксиом. Банальность Парментера была надменной, бесстрашной, и, словно полагаясь на собственную важность и неуязвимость, он не беспокоился о том, как глупо звучат его слова. Ему не нужно было про-

изводить впечатление ни на одного из присутствующих. Он даже не снисходил до того, чтобы казаться просто заинтересованным. Стивен не сомневался, что Парментер был весьма неглупым человеком.

Члены подкомитета не считали нужным знакомиться друг с другом слишком близко. По окончании долгих заседаний, рассортировывая по портфелям бумаги и книги, они вели вежливые разговоры, длящиеся, пока тянулись стены двухцветных коридоров, и рассыпавшиеся эхом, когда члены подкомитета спускались по спиральной бетонной лестнице, чтобы разойтись по разным уровням министерского подземного гаража.

Все душное лето напролет, а также еще несколько последующих месяцев Стивен совершал свои еженедельные прогулки до Уайтхолла. Это было единственной обязанностью в его жизни, во всех остальных отношениях совершенно свободной. Большую часть этой свободы он проводил на диване, растянувшись перед телевизором в одном белье. Там он угрюмо потягивал неразбавленное виски, перелистывал журналы от конца к началу или смотрел трансляции с Олимпийских игр. По вечерам количество спиртного увеличивалось. Обедал Стивен в местном ресторане, один. Он не старался поддерживать отношения с друзьями. Он больше не отвечал на звонки, записанные на автоответчике. У него вошло в привычку с безразличием взирать на грязь, царившую в квартире, на черных мясистых мух и их праздные дозоры. Выйдя на улицу, Стивен страшился возвращения к неумолимому распорядку

знакомых вещей, к низким пустым креслам, к громоздившимся возле них немытым тарелкам и старым газетам. В этом состоял упрямый заговор предметов — сиденья от унитаза, простыней на постели, мусора на полу — оставаться точно в том положении, в котором он их оставил. Дома его мысли постоянно вращались вокруг привычных тем: дочь, жена, что делать дальше. Но на заседаниях подкомитета ему не удавалось сконцентрироваться надолго. Стивен грезил обрывками мыслей, бесконтрольно, почти бессознательно.

* * *

Члены подкомитета следили за тем, чтобы быть пунктуальными. Последним всегда приходил лорд Парментер. Опускаясь на свое место, он призывал собравшихся к порядку тихим булькающим звуком, который ловко переходил во вступительные слова его речи. Секретарь подкомитета Питер Канхем сидел справа от председателя, отодвинувшись от стола, что символизировало его отрешенность. В течение ближайших двух с половиной часов от Стивена требовалось лишь правдоподобно изображать внимание. Это удобное выражение лица было знакомо ему со школьной скамьи, на которой он провел сотни, а то и тысячи часов, посвященных мысленным странствиям. Сама комната, в которой проходили заседания, была ему знакома. Он чувствовал себя как дома рядом с коричневыми бакелитовыми выключателями, рядом с электропроводкой в некрасивых пластмассовых

трубках, проложенных прямо по стене. В школе, где он учился, кабинет истории выглядел очень похоже: тот же потертый, настоявшийся уют, тот же длинный выщербленный стол, который кто-то все еще давал себе труд полировать, та же дурманящая смесь призрачной величавости и сонного бюрократизма. Когда Парментер с ящероподобной вежливостью стал докладывать повестку дня утреннего заседания, Стивен услышал успокаивающий уэльский говорок своего учителя, весело журчавший о славе двора Карла Великого или о сменявших друг друга периодах разврата и реформ в истории средневекового папства. Через окно он видел не огороженную автостоянку с раскаленными солнцем лимузинами, а, будто глядя с высоты, розарий, спортивные площадки, испещренную пятнами серую балюстраду, а за ней — неровный, невозделанный участок земли, убегавший к дубам и букам, а еще дальше, за деревьями, — огромный простор отмели и голубую реку, во время прилива шириной в милю. Это были утраченное время и утраченный ландшафт — однажды Стивен вернулся туда и обнаружил, что деревья аккуратно вырублены, земля распахана, а устье реки перекрыто мостом, по которому теперь проходит автострада. А поскольку утраты стали привычным предметом его размышлений, ему не составило труда перенестись в морозный солнечный день, на улицу перед супермаркетом в Южном Лондоне. Он держал за руку свою дочь. На ней был красный шерстяной шарф, связанный его матерью, к груди она прижимала потертого ослика. Они направлялись ко входу